думывавшееся еще надъ классовымъ антагонизмомъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, не чувствовало еще никакой потребности. Не представляя себѣ ясно того широкаго демократическаго размаха, который должна принять русская революція для того, чтобы справиться съ старымъ порядкомъ, Струве и его единомышленники стали оттачивать это оружіе субъективно *заблаговременно*, а съ точки зрѣнія объективныхъ интересовъ буржуазіи *преждевременно* не только противъ пролетаріата, но и противъ демократіи вообще, мечтая, что вся русская демократія въ освободительную эпоху пойдетъ покорно на поводу у модернизированнаго либерализма. Скоро обнаружилось, что это была иллюзія. Такимъ образомъ, поворотъ отъ матеріализма къ идеализму, вытекавшій изъ неизбѣжнаго процесса самоопредѣленія буржуазіи, придалъ этому самоопредѣленію характеръ реакціонный даже съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ буржуазіи. *Въ этомъ отношеніи* новая либеральная формація сдѣлала значительный шагъ назадъ даже по сравненію съ невиннымъ либерализмомъ стараго поколѣнія. Слишкомъ уже эти люди торопились усвоить «цѣльное» міровоззрѣніе современнаго зап.-европейскаго буржуа, успѣвши основательно забыть мѵки родовъ европейской свободы.

Въ современную историческую эпоху буржуазная интеллигенція можетъ еще участвовать въ революціи или подъ чужимъ, соціалистическимъ, флагомъ, или, поскольку она чувствуетъ, что это отрываетъ отъ нея массу буржуазныхъ обывателей,—безъ теоретическаго знамени, эмпирически, подчиняясь властнымъ запросамъ момента. Поэтому, какъ только П. Струве и его единомышленники попытались найти высшее философское оправданіе для своего перехода въ буржуазный лагерь, они роковымъ образомъ стали ковать оружіе противъ революціи и противъ демократіи. Поэтому же, когда въ Россіи запахло революціей, П. Струве, обладавшій болѣе тонкимъ политическимъ обоняніемъ, чѣмъ его единомышленники, забросилъ на время свою идеалистическую метафизику. Характерно, что въ 1902 г. въ боевомъ сборникѣ «Проблемы идеализма» принимали участіе совращенные Петромъ Струве Булгаковъ, Бердяевъ и К°, онъ же самъ въ это время думалъ уже больше о земной жизни, объ основаніи «Союза освобожденія» и о совмѣстныхъ съ революціонной соціалъ-демократіей выступленіяхъ. Поэтому наконецъ, впослѣдствіи, когда революція потерпѣла пораженіе, идеализмъ и метафизика опять выступили на сцену. Такимъ образомъ, «Проблемы идеализма» оказались прелюдіей къ настоящей симфоніи, которая была разыграна значительно позже въ пресловутыхъ «Вѣхахъ».

III. Переходное время (1900—1903 г. г.).

Борьба ортодоксальной соціалъ-демократіи съ „критикой" Маркса и „экономизмомъ". Начало новаго поворота—къ бланкизму.

Легальный марксизмъ 90-хъ г. г., изъ котораго взяли начало, съ одной стороны, «экономизмъ», съ другой—либерализмъ новаго типа, былъ отраженіемъ общаго положенія Россіи въ эти годы—быстраго промышленнаго расцвѣта, сопровождавшагося подъемомъ стачечнаго движенія рабочихъ, съ одной стороны,

и очень медленнымъ пробужденіемъ интеллигенціи отъ состоянія апатіи и подавленности, съ другой. Къ началу девятисотыхъ годовъ положеніе круто мѣняется. Съ 1899 г. надвигается промышленный кризисъ, обостряющій чувство недовольства въ рабочихъ массахъ; это даетъ новое направленіе движенію пролетаріата, прошедшаго извѣстную школу въ предыдущій стачечный періодъ, что, въ свою очередь, косвенно отражается на настроеніи интеллигенціи. Среди болѣе чуткой части ея—среди студенчества въ 99 г. начинается массовое движеніе, которое въ 1901 г. принимаетъ острыя, революціонныя формы. Все это, въ связи съ начавшейся вновь идейной дифференціаціей въ интеллигенціи, создало, наконецъ, благопріятную почву для той болѣе широкой постановки соц.-демократической работы, къ которой въ 90-хъ г. г. тщетно призывала «Гр. Осв. Труда»—благопріятную почву для пропаганды идей революціоннаго марксизма, для организаціоннаго сплоченія с.-демократіи и для открытія общенаціональной политической кампаніи противъ стараго порядка по ея иниціативѣ. Учитывая измѣнившееся положеніе вещей, группа соц.-демократовъ, вернувшаяся изъ ссылки (Н. Ленинъ, Л. Мартовъ и Старовѣръ) беретъ на себя иниціативу реорганизаціи партіи на новыхъ началахъ. Объединившись для этой цѣли съ «Гр. Осв. Тр.», она приступаетъ въ концѣ 1900 г. къ изданію политической газеты «Искра» и теоретическаго журнала «Заря».

Партію приходилось почти заново строить. Если принять во вниманіе тѣ громадныя и сложныя задачи, которыя передъ ней стояли въ виду явно наступавшаго революціоннаго періода, если принять во вниманіе, что при сравнительной незрѣлости пролетаріата, отвѣтственную роль въ партіи тогда могъ играть только сравнительно тѣсный кругъ профессіональныхъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, что стихія буржуазной революціи имѣла всегда тенденцію совлекать партію съ соціалистическаго пути, то понятно будетъ, какое исключительно важное значеніе для партіи въ то время долженъ былъ имѣть надежный теоретическій компасъ революціоннаго марксизма. Неудивительно поэтому, что во главу своихъ задачъ организація «Искры» и «Зари» поставила борьбу съ «критикой» Маркса за «ортодоксію», рука объ руку съ международной революціонной соц.-демократіей.

Въ русской соц.-демократіи застрѣльщикомъ въ этой борьбѣ въ доискровскій еще періодъ былъ Г. В. Плехановъ. Въ своей полемикѣ противъ Бернштейна Г. Плехановъ отмѣтилъ, что «историческій матеріализмъ» составляетъ лишь «часть матеріалистическаго міросозерцанія Маркса—Энгельса» и что именно методъ діалектическаго матеріализма и составляетъ «душу» марксизма. Поэтому, Г. Плехановъ обращалъ всегда особенное вниманіе на пропаганду этого философскаго метода и забилъ тревогу при первыхъ же попыткахъ вернуться назадъ отъ матеріализма къ идеализму. Еще въ 92 г., выпуская переводъ книжки Энгельса о Л. Фейербахѣ со своими примѣчаніями, онъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать тѣмъ реакціоннымъ идеямъ, которыя начали пропагандироваться на страницахъ русскаго журнала «Вопросы философіи и психологіи» въ противовѣсъ «отрицательному направленію шестидесятыхъ годовъ». Мы отмѣтимъ здѣсь лишь главнѣйшіе моменты въ борьбѣ Г. Плеханова противъ идеалистической реакціи.

Въ указанныхъ «примѣчаніяхъ» къ «Фейербаху» Г. Плехановъ впервые сжато формулируетъ различіе между матеріалистическимъ взглядомъ на объективный внѣшній міръ и идеалистическимъ взглядомъ Канта. «Ощущенія, а, слѣдовательно, и образы предметовъ», говоритъ онъ, «есть равнодѣйствующая двухъ силъ: свойствъ предметовъ, производящихъ на насъ извѣстное впечатлѣніе, и свойствъ того пріемника, который получаетъ эти впечатлѣнія». По этому одному уже ощущеніе не можетъ быть то же самое, что вызывающій его предметъ: ощущеніе звука не тождественно съ вызвавшимъ его движеніемъ воздушныхъ волнъ. Но «пусть наши впечатлѣнія... будутъ лишь условными знаками,—во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Поэтому невѣрно, что «формы нашего мышленія», какъ причинность, пространство, время, суть *только* «апріорныя формы», несвойственныя самимъ предметамъ. Неправъ, поэтому, Кантъ, утверждая, что мы не можемъ познать «вещь въ себѣ»: «я знаю, по крайней мѣрѣ, нѣкорыя ея свойства, именно тѣ, черезъ посредство которыхъ я заставляю ее дѣйствовать». Въ этихъ же «примѣчаніяхъ» Г. Плехановъ противоставляетъ матеріалистическій взглядъ на «идеалы» кантіанскому категорическому императиву. По поводу идеаловъ послѣдняго рода Энгельсъ писалъ: «Идеалъ, отвѣчаетъ филистеръ, это цѣль, къ которой мы нравственно обязаны стремиться, но которая стоитъ такъ высоко, что мы никогда ея не достигнемъ». Матеріализму совершенно чуждо это оправданіе двойной морали. Но какъ же, спросятъ, Энгельсъ со своей матеріалистической точки зрѣнія можетъ примирить свои объективные идеалы съ объективной необходимостью? Какъ онъ можетъ осуществлять свою свободу въ царствѣ необходимости? «Съ *объективной* стороны», отвѣчаетъ Г. Плехановъ, «положеніе Энгельса представляется такъ: въ процессѣ перехода изъ одной своей формы въ другую дѣйствительность захватила его, какъ одно изъ необходимыхъ орудій предстоящаго переворота. Съ *субъективной* стороны выходитъ, что Энгельсу пріятно это участіе въ историческомъ движеніи, что онъ считаетъ его своимъ долгомъ» [1]).

Въ 98 г., когда Бернштейнъ, подъ вліяніемъ Конрада Шмидта, сталъ призывать «назадъ къ Канту», Г. Плехановъ снова возвращается къ этимъ вопросамъ и вступаетъ на страницахъ «Neue Zeit» въ философскую полемику съ тѣмъ и другимъ. Въ статьѣ «Бернштейнъ и матеріализмъ» онъ, борясь противъ вульгарнаго пониманія матеріализма, которымъ многіе обязаны были сознательному извращенію взглядовъ матеріалистовъ XVIII в. современной буржуазной наукой, доказываетъ, что «матеріалистическая философія Фейербаха была, какъ и философія Дидро, лишь родомъ спинозизма», что такимъ же родомъ спинозизма является философія Маркса и Энгельса. Въ отличіе отъ дѣйствительно вульгарныхъ матеріалистовъ всѣ эти философы не сводили мышленіе къ движенію матеріи, не отождествляли его съ послѣднимъ, а согласно со Спинозой полагали, что мышленіе и протяженіе суть два аттрибута одной и той же субстанціи. Этому какъ бы противорѣчитъ положеніе Энгельса, что «мышленіе происходитъ изъ бытія». Но то «мышленіе», о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть

1) Ф. Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ. Переводъ Г. В. Плеханова съ примѣчаніями переводчика. 1892 г. стр. 96, 98, 99, 101, 103.

человѣческое сознаніе, т. е. высшая форма «мышленія» и предпосылка бытія этому мышленію ни въ коемъ случаѣ не исключаетъ «одушевленности матеріи» [1]). Въ полемическихъ статьяхъ противъ Конрада Шмидта, Г. Плехановъ реставрируетъ истинные взгляды Канта, искаженные его же современными учениками, и вскрываетъ то основное противорѣчіе, изъ котораго дуалистъ Кантъ не въ силахъ былъ выпутаться. Въ первомъ изданіи «Критики чистаго разума», говоритъ Г. Плехановъ, Кантъ смотрѣлъ на «вещь въ себѣ» лишь какъ на «предѣльное понятіе», которому ничего не соотвѣтствуетъ внѣ нашего сознанія, и стоялъ, такимъ образомъ, на точкѣ зрѣнія «скептическаго идеализма». Но, дѣлая уступки реалистической критикѣ его взглядовъ, онъ впослѣдствіи въ «Пролегоменахъ» и во 2-мъ изданіи «Критики чистаго разума» начинаетъ признавать реальное существованіе «вещи въ себѣ» и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ отгораживаться отъ идеалистовъ. Однако, сдѣлавши этотъ шагъ впередъ, онъ очутился въ безвыходномъ противорѣчіи съ самимъ собой, на что указывали въ свое время Якоби и другіе: съ одной стороны, его «вещь въ себѣ» дѣйствуетъ на наши чувства *во времени* и является *причиной* нашихъ ощущеній; съ другой стороны, по его мнѣнію, категоріи времени, пространства и причинности присущи *только* нашему сознанію и не свойственны безформенному внѣшнему міру нуменовъ, «вещей въ себѣ». Изъ этого противорѣчія возможны были лишь два выхода—либо къ матеріализму, либо къ субъективному идеализму. По второму пути пошелъ Фихте. Но этотъ путь ведетъ къ абсурду: если «истинное и дѣйствительное бытіе духовно», то всѣ люди представляютъ собой «только видоизмѣненіе моего сознанія» и тогда «моя мать... какъ явленіе ...существуетъ только во мнѣ». Правда, Фихте протестовалъ противъ этого логическаго вывода изъ его взглядовъ, какъ противъ эгоистическаго, и поэтому объяснялъ, что его «я» не индивидуальное, а міровое, абсолютное «я». Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы «вывести» существованіе людей, Фихте дѣлаетъ ихъ бытіе *моральнымъ постулатомъ*. Но это значитъ не преодолѣть препятствіе, а обойти его». Кантъ не хотѣлъ, чтобы его взгляды толковались въ смыслѣ фихтіанскомъ. Что же мѣшало ему рѣшительно порвать съ идеализмомъ? На это онъ самъ ясно отвѣтилъ въ предисловіи ко второму изданію «Критики чистаго разума»: «Я не могу даже предположить Бога, свободу и безсмертіе, которые необходимы для практическихъ цѣлей моего разума, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ не *лишить* спекулятивный разумъ его чрезмѣрнаго притязанія на проницательность... Я долженъ былъ, стало быть, уничтожить знаніе для того, чтобы очистить мѣсто вѣрѣ» [2]). Вотъ въ чемъ истинная подкладка современнаго идеализма.

Параллельно съ защитой матеріализма Г. Плехановъ отстаивалъ другой элементъ философіи Маркса—гегелевскую діалектику, которую «критики» тоже сознательно или безсознательно искажали, чтобы тѣмъ легче ее опровергнуть. Я укажу здѣсь лишь на два обвиненія, выдвинутыя противъ діалектики Эд.

---

[1]) См. Бельтовъ. Бернштейнъ и матеріализмъ. „Критика нашихъ критиковъ". стр. 159, 160, 165.

[2]) См. Н. Бельтовъ—ibid. Конрадъ Шмидтъ противъ К. Маркса и Фр. Энгельса стр. 173.; Матеріализмъ или кантіанизмъ? стр. 193, 194, 201.

Бернштейномъ и П. Струве, которыя, хотя взаимно исключали другъ друга, но преслѣдовали одну и ту же цѣль. Несостоятельность обоихъ этихъ обвиненій Г. Плехановъ доказалъ въ своихъ статьяхъ въ «Зарѣ».

Эд. Бернштейнъ, не понимая, что съ точки зрѣнія діалектической *быстрота* реальнаго отрицанія одной общественной формы другой зависитъ отъ *конкретныхъ* условій, что, напротивъ того, «*логическій* процессъ отрицанія совершается *внѣ времени*», полагалъ, что Марксъ и Энгельсъ, именно благодаря соблазнамъ діалектической логики, представляли себѣ слишкомъ быстрымъ темпъ общественнаго развитія. Поэтому онъ обвинялъ Гегеля и его учениковъ въ томъ, что они видѣли только процессъ непрерывнаго измѣненія вещей, въ которомъ они растворяли безъ остатка самыя вещи, что они «пренебрежительно относились къ точно опредѣленнымъ понятіямъ, считая ихъ *метафизикой*». Возражая Бернштейну, Г. Плехановъ показываетъ, что «Гегель не только не игнорируетъ правъ *разсудка* (*а, слѣдовательно, и точно опредѣленныхъ понятій*), но энергично отстаиваетъ его права даже въ такихъ областяхъ, казалось бы, далекихъ отъ «разсудочности», какъ... искусство». «Удачное художественное произведеніе предполагаетъ», напр., по Гегелю, «рядъ точно опредѣленныхъ характеровъ». По Гегелю, такимъ образомъ, необходимо отдавать должное и (діалектическому) *разуму*, и *разсудку*. П. Струве, въ противоположность Бернштейну, но изъ той же боязни «скачковъ» въ общественномъ развитіи, которыхъ «не терпитъ нашъ интеллектъ», обвиняетъ діалектику въ томъ, что она противорѣчитъ логическому «закону непрерывности», закону непрерывности измѣненій. На это Г. Плехановъ возражаетъ: не говоря о томъ, что исторія природы и общества сплошь и рядомъ дѣлала и дѣлаетъ скачки, хотя «интеллектъ Струве скачковъ не терпитъ», все это обвиненіе возникло изъ непониманія смысла закона непрерывности, установленнаго еще до Канта Лейбницемъ. Этотъ законъ имѣетъ въ виду исключительно количественныя измѣненія однородной субстанціи. Онъ не касается *сложныхъ* явленій измѣненія *отношенія* между частями субстанціи. Поэтому, онъ самъ по себѣ не въ состояніи объяснить ни возникновенія явленія, ни его исчезновенія, ни перехода количества въ качество, ни столкновенія между содержаніемъ и формой, а между тѣмъ всякое общество есть именно сложный комплексъ, а не «однородная субстанція». Оба обвиненія противъ діалектики, такимъ образомъ, вытекаютъ изъ ея непониманія. Для діалектика всякій, забывающій о правахъ «разума», есть *метафизикъ*, всякій, упускающій изъ виду права «разсудка», есть *скептикъ*.[1])

Той же защитѣ философіи марксизма отъ идеалистической «критики» посвященъ былъ рядъ статей Вѣры Засуличъ и Ортодоксъ (Л. Аксельродъ), помѣщенныхъ въ «Зарѣ» и направленныхъ противъ философскихъ упражненій П. Струве и Н. Бердяева и противъ сборника «Проблемы идеализма».

Ортодоксъ отмѣчаетъ, что наши идеалисты, отвергнувъ единственный критерій объективной истины—ея соотвѣтствіе внѣшней дѣйствительности, пытались замѣнить его другими негодными суррогатами, вродѣ «прочности, повто-

1) „Заря“ № 2–3, стр. 209, 210, 211, 217, а также „Критика нашихъ критиковъ“ „Заря“ № 4, стр. 1—12.

ряемости представленій», общепризнанности ихъ и т. п. Что говорятъ эти критеріи сами по себѣ? У всѣхъ «нормально организованныхъ» людей существуетъ представленіе о деревѣ. Но вопросъ въ томъ, «въ какомъ мѣстѣ и въ какое время должно совпадать это представленіе у всѣхъ людей». А что доказываетъ «прочность» и «постоянство» представленій? Ничто, какъ извѣстно, не бываетъ такъ прочно, какъ заблужденія. Очевидно, все это лишь *«условія критерія научнаго опыта, но не базисъ его»*. Наши идеалисты, отвергая этотъ базисъ—«реальный міръ внѣшнихъ вещей»—и отрывая свободу отъ необходимости, тѣмъ самымъ фаталистически преклоняются передъ «естественнымъ ходомъ вещей», отражая «болѣзнь воли», которой страдаетъ современная разслабленная и развинченная буржуазная интеллигенція. Впрочемъ, они отвергаютъ законы исторической необходимости и возможность историческихъ предсказаній только тогда, когда эти предсказанія неблагопріятны для буржуазіи. Тотъ же Струве, напр., не отказывается «предсказывать» неизбѣжность притупленія классовыхъ противорѣчій въ будущемъ и доказывать невозможность въ будущемъ соціальной революціи. Той же неискренностью и непослѣдовательностью отличаются ихъ этическія теоріи: нападая на эвдемонизмъ во имя высшаго нравственнаго блага, они одновременно защищаютъ «діонисово начало жизни», т. е. тотъ же эвдемонизмъ, но въ самой грубой эгоистической его формѣ [1]).

Свое отступленіе отъ соціалистической идеологіи къ буржуазной наши идеалисты прикрывали контръ-обвиненіемъ современнаго пролетаріата и его коммунистическаго идеала въ «буржуазности» и «мѣщанствѣ». Противъ этого обвиненія выступила въ «Зарѣ» Вѣра Засуличъ, объясняя попутно его психологическую подкладку. «Въ сознаніи вѣрующихъ», говоритъ она, «старый Богъ существовалъ не потому, что былъ нуженъ. Наоборотъ, онъ потому только и могъ удовлетворять—посредствомъ загробнаго рая—потребность въ надеждѣ на лучшее будущее..., что его существованіе было внѣ всякаго сомнѣнія».... Для чего же Струве и Бердяевъ «придумали» Бога, не будучи убѣжденными въ его существованіи? «Для спасенія отъ пессимизма ему (Струве) нужно чтобы въ капиталистической лавкѣ невидимо присутствовалъ Богъ и направлялъ торговлю въ сторону идеала». Когда Бердяевъ старался согласить Канта съ Марксомъ, онъ, правда, уже отбросилъ революціонный соціализмъ и проповѣдывалъ теорію «штопанія», но все же въ то время Кантъ нуженъ былъ ему еще, «чтобы знать объективно, навѣрняка, почему именно демократическій идеалъ выше буржуазнаго, почему лучше, чтобы сердце пріятно билось (оно и такъ бьется, но г. Бердяеву нужно знать, почему это лучше) при словахъ—справедливость и благо народа, чѣмъ при словахъ—кнутъ и обузданіе». Но г. Струве указалъ ему на послѣдствія «привлеченія Канта». «Расхваливъ г. Бердяева... за «душевный подъемъ, рождающій вѣру и энтузіазмъ», онъ взялъ да и прихлопнулъ съ одного удара всю его «вѣру». «Подчеркнувъ, что съ ихъ общей внѣклассовой.... точки зрѣнія въ психологіи оппозиціоннаго класса *лишь эмпирически случайно*... могутъ встрѣтиться пред-

[1]) См. Ортодоксъ. „О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ критиковъ". „Заря" № 4, стр. 48, 50, 52, 61, 63. См. ея же. "Почему мы не хотимъ итти назадъ". „Заря" № 2—3 и ея же, О „проблемахъ идеализма".

посылки нахожденія истины», «г. Струве сообщилъ г. Бердяеву непріятную вѣсть», что именно въ настоящую эпоху «этой счастливой случайности не случилось», ибо пролетаріатъ оказался «глубоко проникнутымъ моральной буржуазностью». Почему же это такъ случилось? Потому, говорятъ Струве и иже съ нимъ, что въ капиталистическомъ мірѣ царитъ мѣщанство, «культъ довольства», которому поклоняется пролетаріатъ одинаково съ буржуазіей. Это невѣрно, возражаетъ В. Засуличъ: въ капиталистическомъ мірѣ у буржуазіи царитъ не столько «культъ довольства», сколько «*культъ наживы*»; въ пролетаріатѣ же капиталистическій строй вырабатываетъ совершенно иную психологію—«*солидарности*». Когда марксисты спорили съ народниками, послѣдніе указывали, что психологія нашего крестьянина отражаетъ *непосредственныя* условія его разнообразнаго труда въ натуральномъ хозяйствѣ, что психологія пролетаріата тоже соотвѣтственно должна отражать лишь то, что онъ есть «придатокъ къ машинѣ». Но это перенесеніе *непосредственной* связи между психологіей и характеромъ производительнаго труда съ натуральнаго быта на сложное капиталистическое общество, раздѣленное на классы, совершенно неосновательно. Еслибъ это было вѣрно, то «пролетарій оказался бы тупѣе не то, что крестьянина», а всякаго животнаго, самостоятельно добывающаго себѣ пищу. Но въ томъ-то и дѣло, что, въ отличіе отъ крестьянина, пролетарій «связанъ съ работой только тѣломъ». Это же относится и къ будущему соціалистическому строю. Утописты, прельщая высшіе классы соціализмомъ, обѣщали превращеніе труда въ наслажденіе. Основатели научнаго соціализма въ противоположность имъ утверждали, что всестороннее развитіе личности возможно лишь «за предѣлами труда для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей». Вотъ почему неосновательны предсказанія идеалистовъ. Они съ своей глубоко «аристократической», ницшеанской точки зрѣнія опасаются, что «люди превратятся въ свиней, если начнутъ ѣсть досыта». «Это такъ же вѣроятно, какъ то, чтобы выпущенная изъ клѣтки птица вдругъ... превратилась въ лягушку» [1]).

Возвратъ къ идеализму нуженъ былъ «критикамъ» Маркса для того, чтобы облегчить себѣ борьбу съ его теоріей соціальнаго развитія. Противъ этой Марксовой теоріи выступилъ Струве въ статьѣ, помѣщенной въ Braun's Archiv'ѣ. Въ защиту ея отъ нападокъ П. Струве, Г. Плехановъ помѣстилъ рядъ статей въ «Зарѣ» подъ заглавіемъ «Критика нашихъ критиковъ». Чтобы облегчить себѣ задачу «критики», П. Струве предварительно искажаетъ Маркса. Подмѣнивши противорѣчіе между производительными силами и имущественными отношеніями, о которомъ говорилъ Марксъ, противорѣчіемъ между «хозяйствомъ и правомъ», онъ вслѣдъ за Штамлеромъ доказываетъ, что это противорѣчіе легко разрѣшается постепеннымъ приспособленіемъ «права» къ «хозяйству». Г. Плехановъ, разоблачивши эту подтасовку понятій, попутно разъясняетъ точный смыслъ указаннаго выше основного положенія Марксовой соціальной теоріи. Марксъ, говоритъ Г. Плехановъ, употребляетъ часто въ одномъ смыслѣ два понятія—

---

[1]) См. В. Засуличъ. „Элементы идеализма въ соціализмѣ". „Заря" № 2—3, стр. 307, 308, 311, 312. „Заря" № 4, стр. 76, 77, 79, 80, 84.

«имущественныя отношенія» и «производственныя отношенія», но на языкѣ Маркса «производственныя отношенія» есть понятіе болѣе широкое, чѣмъ «имущественныя отношенія». Первое понятіе включаетъ въ себѣ и такія категоріи, какъ «капиталъ», «прибавочная стоимость» и т. п., и такія, какъ «организація труда» въ фабричной мастерской или мануфактурѣ, которая вовсе не является «имущественнымъ отношеніемъ». Только послѣдняго рода производственныя отношенія (организація труда въ мастерской) могутъ развиваться параллельно съ производительными силами; имущественныя же отношенія неизбѣжно раньше или позже вступаютъ въ конфликтъ съ производительными силами, въ результатѣ котораго имущественныя отношенія падаютъ вмѣстѣ со своей идеологической надстройкой—съ господствующей правовой системой. Что касается этой «надстройки»—правовой системы—то она, конечно, постоянно приспособляется къ своему «базису», къ «хозяйству», въ извѣстномъ смыслѣ этого слова. Но, чтобы опровергнуть Маркса, нужно было бы доказать другое—что именно современныя капиталистическія имущественныя отношенія постепенно и исподволь приспособляются къ росту производительныхъ силъ, что они «соціализируются», что соціальная пропасть между пролетаріатомъ и буржуазіей постепенно заполняется. П. Струве и Эд. Бернштейнъ и это пытались доказать. Но и тутъ они для облегченія своей задачи предварительно приписали Марксу то, чего онъ не утверждалъ—теорію *абсолютнаго* обнищанія пролетаріата. Отмѣтивши это новое искаженіе Маркса, Г. Плехановъ, на основаніи анализа цифровыхъ данныхъ, смыслъ которыхъ обычно искусно маскируется извѣстными статистическими пріемами, показываетъ, что во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, согласно утвержденію Маркса, наблюдается *относительное* обнищаніе пролетаріата, постепенное уменьшеніе его *доли* въ національномъ доходѣ, что неизбѣжно должно привести къ росту его возмущенія [1]). Той же защитѣ соціально-экономической теоріи Маркса отъ ревизіонистской «критики» посвящены—статья Ленина въ № 2—3 «Зари» (по вопросу аграрному) и статья Карелина (В. Засуличъ) въ № 10 и № 11 «Научнаго Обозрѣнія» 1900 г. (противъ «исправленій» марксовой теоріи стоимости). Подводя итогъ «ревизіи» ученія Маркса, которую предпринялъ П. Струве и К°, Г. Плехановъ говоритъ: «Въ результатѣ ихъ «пересмотра» получилась такая доктрина, которая, давая «положительное объясненіе» капитализму, отказывается объяснить его «неизбѣжное паденіе»... Такимъ образомъ, нашъ «нео-марксизмъ является самымъ надежнымъ оружіемъ русской буржуазіи въ борьбѣ ея за духовное господство въ нашей странѣ» [2]).

Идейная борьба русскихъ «ортодоксальныхъ» марксистовъ противъ Струве и его единомышленниковъ и по времени, и по содержанію совпадала съ борьбой международной революціонной соц.-демократіи съ бернштеніанствомъ. Но редакціи «Зари» и «Искры», для огражденія политической самостоятельности пролетаріата, приходилось вести борьбу, не только обусловленную общеевропей-

[1]) См. Г. Плехановъ. „Крит. нашихъ крит.“ „Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи соціальнаго развитія“. „Заря“ № 1, стр. 87, 88, 96, 104. „Заря“ № 2—3, продолженіе.

[2]) См. Г. Плехановъ. „Крит. нашихъ крит.“ „Заря“ № 4.

скимъ такъ наз. «кризисомъ марксизма», но и спеціально русскими условіями. Ей приходилось бороться, съ одной стороны, съ «экономизмомъ», который, впрочемъ, быстро терялъ почву подъ ногами, по мѣрѣ роста политическаго возбужденія въ странѣ, съ другой,—съ революціоннымъ народничествомъ, которое столь же быстро возрождалось въ связи съ политическимъ оживленіемъ среди интеллигенціи, подкрѣпляя свои устарѣлые теоретическіе аргументы новыми, взятыми изъ арсенала «критиковъ» Маркса.

Характеристику взглядовъ этого «подновленнаго» народничества далъ Старовѣръ въ «Зарѣ» [1]). Критикѣ этихъ же взглядовъ посвящено было нѣсколько фельетоновъ Г. Плеханова подъ заглавіемъ «Пролетаріатъ и крестьянство» и много др. статей въ «Искрѣ». Дѣло, однако, было въ то время не въ эклектической народнической *теоріи*, отъ отдѣльныхъ частей которой не оставила камня на камнѣ критика марксистовъ, раньше въ борьбѣ съ Михайловскимъ, В. В. и К°, а потомъ—съ бернштейніанцами. Дѣло было въ террористической практикѣ, которая, послѣ выстрѣловъ Карповича, Балмашова и Леккерта, привлекала къ себѣ симпатіи, отвлекая соціалистическіе элементы отъ трудной и сложной работы надъ сплачиваніемъ рабочей партіи. Противъ этихъ-то террористическихъ увлеченій открыла систематическій походъ «Искра».

Что касается «экономизма», то, хотя онъ въ то время естественно вымиралъ, его критика имѣла еще тогда гораздо большее принципіальное значеніе для соц.-демократіи. Это выяснилъ П. Аксельродъ, который далъ исчерпывающую критику «экономизма» уже въ самый моментъ его зарожденія, въ 96 г., въ «Послѣсловіи» къ брошюрѣ «Объ агитаціи», и затѣмъ въ 97 г., въ письмахъ о тактикѣ. Въ своемъ «Послѣсловіи» П. Аксельродъ отмѣтилъ родственность тактики «экономизма» съ *бунтарской* тактикой бакунистовъ и общій ихъ источникъ—элементарность политическаго мышленія и «игнорированіе историческаго *движенія* буржуазнаго общества и взаимныхъ отношеній составныхъ элементовъ господствующихъ классовъ». Въ своихъ письмахъ о тактикѣ П. Аксельродъ говорилъ по поводу распространявшагося уже тогда быстро «экономизма», что ему представляются двѣ возможныя перспективы: «Либо рабочія массы не играютъ въ освободительномъ движеніи самостоятельной революціонной роли, идутъ за буржуазной интеллигенціей и сражаются за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а чужимъ. Либо же соц.-демократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью привлекая въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи» [2]). Отмѣченное давно П. Аксельродомъ сродство между «экономизмомъ» и бунтарствомъ въ разсматриваемый періодъ очень скоро обнаружилось, когда Б. Кричевскій, защищавшій въ «Рабочемъ Дѣлѣ» «тактику—прогрессъ» и «теорію стадій», предложилъ вскорѣ послѣ этого «въ 24 часа перемѣнить тактику» и

---

1) См. ст. Современная весталка. „Заря“ № 2—3.

2) См. „Объ агитаціи“. Послѣсловіе П. Аксельрода 1896 г., стр. 35, 36, 43 и П. Аксельродъ. „Къ вопросу о соврем. задачахъ и тактикѣ рус. соц.-демократовъ“, стр. 19, 20.

«строиться въ штурмовыя колонны». Поэтому «Искра», начавъ борьбу съ постепеновщиной «экономистовъ», скоро должна была признать ихъ основнымъ грѣхомъ—«преклоненіе передъ стихійностью». Что касается извѣстныхъ «двухъ перспективъ» П. Аксельрода, то ихъ правильность ярко подтвердилась въ мартовскіе дни 1901 г., когда рабочіе боролись подъ руководствомъ не соц.-демократіи, а студенчества, не взирая на долгую работу соц.-дем. въ рабочей средѣ. Въ разсматриваемый періодъ значеніе этихъ «двухъ перспективъ» настолько хорошо было оцѣнено передовыми соц.-демократами, что именно онѣ то и послужили исходнымъ пунктомъ всей идейной кампаніи, предпринятой «Зарей» и «Искрой», политическій смыслъ которой разъяснили на страницахъ «Зари» Г. Плехановъ въ статьѣ—«Еще разъ соціализмъ и политическая борьба» и Л. Мартовъ въ статьѣ—«Всегда въ меньшинствѣ».

Въ переходное время начала движенія девятисотыхъ годовъ русская с.-демократія въ борьбѣ съ разными идейными теченіями воздвигла прочный теоретическій фундаментъ для всей своей будущей дѣятельности. Итоги этой борьбы были закрѣплены программой, выработанной редакціей «Искры» и «Зари» и принятой на съѣздѣ Партіи въ 1903 г. Соц.-демократія «выпрямилась», вернувшись къ традиціямъ «Гр. Осв. Тр.» Однако, вскорѣ намѣтился уже новый, крутой поворотъ съ прямой дороги въ сторону, противоположную повороту 90-хъ годовъ.

Въ апрѣлѣ 1901 г. Старовѣръ, заканчивая свою статью «Что случилось?» говоритъ: «И пора бы, кажется, современному разночинцу взять опять бразды гегемоніи изъ дряблыхъ рукъ нашей маскированной демократіи... Я сказалъ бы моимъ единомышленникамъ: *выходите и выводите рабочее движеніе на широкій путь политической борьбы, никогда и ни при какихъ условіяхъ не поступайтесь своей общественной личностью, не отрекайтесь отъ славнаго прошлаго разночинной интеллигенціи*» [1]). Эти слова, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ борьбы съ «экономистами» и русскими ревизіонистами, показываютъ, что въ то время русскіе революціонные соц.-демократы еще не предвидѣли никакой опасности отъ неизбѣжнаго, впрочемъ, еще при тогдашнихъ условіяхъ господства революціонной интеллигенціи въ соціалистическомъ движеніи. Однако, скоро обнаружилось, что именно стремленіе этой интеллигенціи къ сохраненію своей «общественной личности» представляетъ опасность для руководимаго ею соц.-дем. движенія даже въ томъ случаѣ, когда она исповѣдуетъ искренне принципы революціоннаго марксизма, ибо эта «общественная личность» состоитъ въ слишкомъ близкомъ соціальномъ родствѣ съ буржуазной демократіей. Обнаружилось это въ вопросѣ о роли соц.-демократіи въ освободительномъ движеніи.

Мы говорили уже въ первой главѣ, что П. Аксельродъ, формулируя въ 90-хъ гг. тактическія задачи русской соц.-демократіи, исходилъ изъ исторической возможности гегемоніи нашего пролетаріата въ грядущей буржуазной революціи. Эта идея, въ то время не нашедшая себѣ отклика, въ началѣ искровскаго періода, въ началѣ 900-хъ гг., стала центральной идеей русской соц.-демократіи. Этому благопріятствовали условія, при которыхъ начала свою дѣя-

---

[1]) См. Старовѣръ. „Что случилось?“ „Заря“ № 1. стр. 73. 74.

тельность группа «Искры» и «Зари». Во 1), незадолго до этого, въ 90-хъ гг., марксизмъ, *какъ теорія*, уже фактически пріобрѣлъ гегемонію въ идейной жизни передовой интеллигенціи, и начавшаяся въ концѣ 90-хъ гг. «критика марксизма» не успѣла еще уничтожить его обаянія въ этой средѣ. Во 2), въ началѣ 900-хъ гг. соц.-демократія была единственнымъ теченіемъ, которое имѣло прочныя связи въ народныхъ пролетарскихъ массахъ, единственнымъ теченіемъ, создавшимъ уже хотя бы первоначальные элементы большой народной политической партіи. Наконецъ, группа «Искры» уже тѣмъ самымъ, что она первая взяла на себя *инициативу* систематической обличительной кампаніи противъ абсолютизма, подготовляла почву для революціонной гегемоніи пролетаріата.

Идея, возникшая въ срединѣ 90-хъ гг., начала осуществляться. Но она начала осуществляться при измѣнившихся условіяхъ, которыя неизбѣжно должны были внести нѣкоторыя важныя измѣненія въ первоначальную перспективу. Когда П. Аксельродъ писалъ въ 90-хъ гг. свои статьи о тактикѣ, марксизмъ только что завершилъ свою побѣдоносную борьбу съ народничествомъ. Когда начала издаваться «Искра», по всей линіи шла «критика Маркса», изъ которой вскорѣ вылупились два новыхъ политическихъ теченія — новая формація буржуазнаго либерализма и новая формація революціоннаго народничества. Будущіе политическіе союзники соц.-демократіи формировались, такимъ образомъ, не независимо отъ нея и рядомъ съ ней, а въ ея нѣдрахъ и въ борьбѣ съ ней, угрожая самому ея существованію. Это обстоятельство вынуждало революціонную соц.-демократію уже съ первыхъ шаговъ вести такую ожесточенную войну за вліяніе, которая угрожала оттѣсненіемъ главной очередной задачи — *совмѣстныхъ* выступленій противъ абсолютизма. Этимъ не исчерпывалась перемѣна обстановки. Когда П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. говорилъ о возможной гегемоніи пролетаріата, онъ разсчитывалъ на затяжную предреволюціонную эпоху, на долгій процессъ политическаго воспитанія рабочихъ, на то, что *сами рабочіе*, хотя бы въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, возвысятся постепенно до руководящей роли въ революціи. Когда начала выходить «Искра», политическая атмосфера уже была насыщена революціонными бациллами, революціонныя событія быстро слѣдовали другъ за другомъ. Соотвѣтственно съ этимъ, группа «Искры», приступая спѣшно къ строенію партіи, въ основу ея клала пока по необходимости тѣ элементы, которые скорѣе и легче поддавались теоретическому воспитанію — именно профессіональныхъ революціонеровъ, преимущественно изъ интеллигенціи. *Непосредственно*, такимъ образомъ, тогда подготовлялась еще не гегемонія пролетаріата въ строгомъ смыслѣ слова, а гегемонія соц.-демократіи вообще. Партія строилась на спѣхъ подъ перекрестнымъ огнемъ, какъ бы въ обстановкѣ осаднаго положенія. Тѣмъ не менѣе «искровцы», благодаря своему идейному багажу, *въ теченіе нѣкотораго времени* сумѣли устоять противъ вліянія капризныхъ стихій и вести партію по тому курсу, который въ общихъ чертахъ намѣченъ былъ еще «Группой Осв. Тр.»

«Искра» играла роль «колокола»: она будила пролетаріатъ и демократію и революціонизировала умы. Но она дѣлала это въ ясномъ сознаніи тѣхъ препятствій, черезъ которыя невозможно перескочить, которыя должно было на дѣлѣ преодолѣть революціонное развитіе. Несмотря на быстрое наростаніе боевого на-

строенія среди рабочихъ и интеллигенціи, редакція «Искры» и «Зари» сама устояла и партію удержала отъ террористическихъ и всякаго рода революціонно-авантюристическихъ увлеченій и, насколько это возможно было путемъ одного литературнаго воздѣйствія сверху, содѣйствовала систематическому и планомѣрному воспитанію *политическаго сознанія* рабочихъ. Во имя этой задачи «Искра» обрушилась на Б. Кричевскаго, который въ статьѣ «Историческій поворотъ» призывалъ немедленно «строиться въ штурмовыя колонны». Во имя нея она подвергала критикѣ Надеждина—редактора «Свободы» и автора «Кануна революціи». Во имя нея же она вела систематическую борьбу съ соціалистами-революціонерами, проявлявшими по мѣткому выраженію постояннаго сотрудника «Искры», Троцкаго, «нервность вмѣсто тактики и благородство вмѣсто программы». Въ то же время «Искра» стремилась къ тому, чтобы борьба пролетаріата не осталась изолированной. Ни быстрое революціонизированіе рабочихъ, ни зачаточное состояніе и крайняя робость первыхъ выступленій буржуазной оппозиціи, не помѣшали искровцамъ до партійнаго раскола и даже послѣ него до 1904 г. работать надъ привлеченіемъ союзниковъ пролетаріату изъ буржуазныхъ классовъ.

«Рабочая демократія своими политическими требованіями», писалъ Н. Ленинъ въ февралѣ 1902 г., «не принципіально, а только по степени отличается отъ буржуазной демократіи... Забываютъ, что интересы самодержавія совпадаютъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и только съ извѣстными интересами имущихъ классовъ и притомъ частью не съ интересами всѣхъ этихъ классовъ вообще, а съ интересами отдѣльныхъ слоевъ ихъ. Интересы другихъ слоевъ буржуазіи, а также болѣе широко понятые интересы *всей* буржуазіи... необходимо порождаютъ либеральную оппозицію самодержавію... Именно въ силу классовой точки зрѣнія *непозволительно* соц.-демократу оставаться безучастнымъ къ недовольству и протестамъ «Стаховичей» [1]).

Исходя изъ этихъ тактическихъ принциповъ, редакція «Искры» и «Зари» первоначально оказывала техническую поддержку разрозненнымъ элементамъ буржуазной оппозиціи и даже готова была предоставлять столбцы своихъ органовъ для обличительныхъ статей буржуазныхъ публицистовъ, и П. Струве дѣйствительно помѣстилъ пару статей въ первыхъ номерахъ «Искры». Изъ этого однако не слѣдуетъ, что редакція «Искры» считала вѣроятнымъ или желательнымъ съ точки зрѣнія интересовъ революціи, чтобы соц.-демократія оставалась и впередъ *единственнымъ* центромъ освободительнаго движенія, чтобы оппозиціонная буржуазія не сложилась до революціи въ самостоятельную политическую партію.

«Наша партія»... говорилъ Г. Плехановъ въ № 1 «Зари», «возьметъ на себя *инціативу* борьбы съ абсолютизмомъ, а слѣдовательно и *гегемонію* въ этой борьбѣ... Наша партія сдѣлается центромъ, къ которому будутъ тяготѣть всѣ демократическія симпатіи и изъ котораго будутъ исходить всѣ наиболѣе крупные революціонные протесты» [2]). Но эта перспектива не исключала существованія рядомъ и другого центра тяготѣнія для болѣе умѣренныхъ элементовъ

---

[1]) См. „Искра“ № 16. „Политич. агитація и классовая точка зрѣнія“.

[2]) См. Г. Плехановъ. „Еще разъ соціализмъ и полит. борьба„. „Заря“ № 1, стр. 92.

освободительнаго движенія. Поэтому тотъ же Г. Плехановъ, заканчивая въ 1901 г. свою критику П. Струве, говоритъ по его адресу: «Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы—вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего «средняго» класса» [1]).

Такъ же представлялось тогда взаимоотношеніе соціальной и либеральной демократіи Л. Мартову. «Для буржуазной интеллигенціи», писалъ онъ, «ея возстаніе противъ «ортодоксіи» представляется шагомъ впередъ по пути прогресса: его ближайшей цѣлью является освобожденіе радикализма отъ тѣхъ революціонныхъ элементовъ соціально-политическаго міровоззрѣнія, которые мѣшаютъ усвоенію этого міровоззрѣнія всей массой буржуазнаго общества, стоя такимъ образомъ на пути сплоченія всего этого общества въ политическую силу». «Но для тѣхъ, кто свои надежды на политическій прогрессъ Россіи пріурочиваетъ не къ обществу, а главнымъ образомъ къ пролетаріату, значеніе этой борьбы представляется въ другомъ свѣтѣ... Съ этой точки зрѣнія аттака «критической» интеллигенціи на марксистскую ортодоксію представляется дѣломъ, враждебнымъ революціи», между прочимъ потому, что она можетъ привести къ утратѣ пролетаріатомъ своей революціонной гегемоніи. Изъ этихъ словъ можно было бы вычитать отрицательное отношеніе автора къ самостоятельному политическому сплоченію буржуазіи въ современную эпоху въ какой бы то ни было формѣ. Однако авторъ это рѣшительно отвергаетъ: «Эта идейная борьба», говоритъ онъ, «должна привести къ выживанію въ каждомъ лагерѣ элементовъ наиболѣе приспособленныхъ къ данной исторической обстановкѣ, властно требующей комбинированія силъ революціонныхъ и просто оппозиціонныхъ элементовъ... Взоръ тѣхъ, кто удрученъ картиной повальнаго безлюдья въ либеральномъ лагерѣ, можетъ съ надеждой обратиться къ образу *будущихъ* русскихъ Лафайетовъ и Якоби» [2]).

Когда гипотеза редакторовъ «Искры и «Зари» стала осуществляться, осенью 1902 г., когда основанъ былъ самостоятельный либеральный «Союзъ освобожденія», когда вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что его литературный органъ, редактируемый П. Б. Струве, не столько заботился о томъ, чтобы поднять имущую буржуазную оппозицію до уровня демократическихъ задачъ русской революціи, сколько о томъ, чтобы приспособить эти задачи къ политической отсталости и трусости нашего либеральнаго общества, редакція «Искры», подвергая рѣзкой критикѣ эти оппортунистическія тенденціи, въ то же время упорно толкала либераловъ влѣво, выискивая для этой цѣли болѣе жизнеспособные элементы либерализма и ободряя ихъ своей поддержкой. Укажемъ, напр., на статьи Л. Мартова.—«Программа русскихъ либераловъ», Старовѣра.—«Еще нѣсколько словъ о дебютирующихъ либералахъ» и Ленина — «Политическая борьба и политиканство». Авторъ послѣдней статьи, между прочимъ, говоритъ: «Отъ политиканства передовой статьи («Освобожденія». А. М.) съ удовольствіемъ отдыхаешь на дальнѣйшихъ статьяхъ сотрудниковъ: г. Антона Старицкаго и еще

---

[1]) См. Г. Плехановъ. „Критика нашихъ критиковъ". „Заря" № 4 стр. 30

[2]) См. Л. Мартовъ. „Всегда въ меньшинствѣ". „Заря" № 2—3, стр. 183, 191, 192.

болѣе земскаго гласнаго г. Т... Г. земскій гласный *всецѣло* подтверждаетъ данную нами въ «Искрѣ» оцѣнку программы «Освобожденія». Больше того: его статья доказываетъ не только правильность нашей точки зрѣнія, но цѣлесообразность нашего рѣзкаго изобличенія половинчатости либерализма. Оказывается, что и въ самой земской средѣ есть люди, которымъ претитъ всякое вилянiе и которыхъ мы особенно должны стараться поддержать безпощадной критикой этого вилянія съ нашей точки зрѣнія» [1]).

Въ общемъ, тактика «Искры» разсматриваемаго періода нашла себѣ правильную оцѣнку въ письмѣ «Рабочаго юга», адресованнаго въ редакцію: «Искра» первая указала намъ, рабочимъ, что мы должны интересоваться не только однимъ рабочимъ движеніемъ, но и жизнью, и движеніемъ всего народа и общества. «Искра» первая высказала вслухъ, что въ революціи въ Россіи примутъ участіе, кромѣ рабочихъ, и крестьяне, и общество. Мы, рабочіе, не можемъ не высказать редакціи сердечную благодарность за то, что она вывела изъ узкаго круга мыслей и понятій насъ... и обратила наше вниманіе на всѣ слои общества, которые, частью, также заинтересованы въ радикальномъ измѣненіи существующаго строя. Этимъ указаніемъ «Искра» разрѣшила сомнѣнія въ возможности революціи и ободрила рабочихъ, которые почувствовали себя и сильнѣе, и не одинокими» [2]).

«Ортодоксально марксисткая «Искра» шла *по* теченію, поскольку оно увлекало страну на путь революціи, *противъ* него, поскольку оно отвлекало соціалъ-демократію отъ самостоятельной пролетарской политики въ этой революціи. Однако, вліяніе самобытной исторической стихіи отсталой Россіи оказалось сильнѣе вліянія марксистскихъ идейныхъ традицій, учитывавшихъ опытъ передовыхъ странъ Запада. «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно», и по ироніи исторіи какъ разъ та борьба за самостоятельность рабочаго движенія и за гегемонію пролетаріата въ революціи, которую вела такъ упорно «Искра», послужила почвой для возникновенія новыхъ тенденцій къ растворенію классовыхъ задачъ соц.-демократіи въ демократическихъ задачахъ революціи, къ ущербу тѣхъ и другихъ. Эти новыя тенденціи возникли, благодаря отмѣченнымъ выше особеннымъ условіямъ, при которыхъ складывалась организація «Искры» и, прежде всего, благодаря «общественной личности» профессіональныхъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, господствовавшихъ въ созидаемой «Искрой» партіи, благодаря той самой «общественной личности», о которой писалъ Старовѣръ въ своей статьѣ «Что случилось?». Наиболѣе типичнымъ выразителемъ этой «общественной личности» русскаго революціоннаго разночинца былъ Ленинъ, и потому въ его произведеніяхъ искровскаго періода сравнительно очень скоро въ идею гегемоніи пролетаріата стало вкладываться принципіально новое содержаніе.

Послѣ партійнаго раскола 1903 г. Н. Ленинъ писалъ: «Якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, это и есть революціонный соц.-демократъ» [3]). Это якобинское толкованіе марксизма проходило уже красной нитью черезъ всю брошюру Ленина

---

[1]) См. „Искра“ №№: 23, 1 авг. 1901 г.; 24, 1 сент. 1902 г. и 26-ой, 15 окт.

[2]) См. „ Бесѣда по поводу писемъ читателей“. „Искра“ № 14.

[3]) См. Ленинъ. „Шагъ впередъ, два шага назадъ“, ст. 140.

«Что дѣлать?», написанную имъ еще въ началѣ 1902 г. и вскорѣ пріобрѣвшую огромное вліяніе на всѣхъ рядовыхъ работниковъ русской соц.-демократіи. Если тѣмъ не менѣе брошюра «Что дѣлать?», при самомъ своемъ появленіи, не вызвала сомнѣній и опасеній среди товарищей Ленина по редакціи, оставшихся вѣрными русскимъ марксистскимъ традиціямъ, то это можно объяснить только тѣмъ, что звучавшія въ ней «самобытныя» ткачевскія ноты объяснялись ими въ то время полемическимъ увлеченіемъ въ борьбѣ съ такъ наз. «экономизмомъ». И самъ Ленинъ, впрочемъ, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ «переворотѣ», который онъ совершалъ, ибо онъ на Лондонскомъ съѣздѣ партіи 1903 г., защищаясь противъ нападокъ на «Что дѣлать»?», заявилъ, что онъ вынужденъ былъ въ борьбѣ съ «экономистами» въ брошюрѣ «перегибать лукъ въ другую сторону».

Дальнѣйшее развитіе соц.-демократіи показало, однако, что дѣло тутъ было не въ полемическихъ увлеченіяхъ. Н. Ленинъ противъ практики «экономистовъ», принижавшихъ роль сознанія въ движеніи и приспособлявшихся къ отсталымъ слоямъ пролетаріата, выдвинулъ въ «Что дѣлать?» цѣлую новую теорію, которая, до извѣстной степени, реставрировала народническій взглядъ на роль личности въ исторіи: «О самостоятельно самими рабочими массами въ самомъ ходѣ ихъ движенія вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи», писалъ онъ; у рабочихъ «и быть *не могло* сознанія *непримиримой противоположности* ихъ интересовъ всему современному... строю», «теоретическое ученіе соц.-демократіи возникло *совершенно независимо* отъ стихійнаго роста рабочаго движенія»; «соц.-демократическое сознаніе могло быть внесено *только» изъ-внѣ* у насъ, какъ и на Западѣ, въ рабочую среду; рабочій классъ стихійно стремится лишь «къ трэдъ-юніонизму»; задача соц.-демократіи заключается въ томъ, чтобы «совлечь» пролетаріатъ съ этого пути, по которому онъ стихійно идетъ и т. д. [1]). Эта теорія, какъ это часто бываетъ, возводила фактъ въ принципъ, возводила временное фактическое господство революц. интеллигенціи въ соц.-демократическомъ движеніи въ общій непререкаемый законъ. Такимъ образомъ, старая тенденція къ закрѣпленію отсталости рус. соц. движенія возродилась въ новой формѣ. Это сказалось также въ отношеніи автора «Что дѣлать?» къ другимъ принципіальнымъ вопросамъ. По первоначальной схемѣ русскаго марксизма важная задача привлеченія союзниковъ пролетаріату могла и должна была быть достигнута соотвѣтственной агитаціонной дѣятельностью въ самой рабочей средѣ, постепеннымъ вовлеченіемъ рабочихъ массъ въ политическую жизнь страны, постепеннымъ развитіемъ ихъ политической самодѣятельности, которое тѣмъ самымъ привлекло бы къ нимъ симпатіи союзниковъ». Этотъ путь казался слишкомъ длиннымъ и сложнымъ Ленину и его сторонникамъ. Въ виду этого, онъ въ своей брошюрѣ намѣчаетъ болѣе прямой путь къ цѣли: «Чтобы принести рабочимъ политическое знаніе», пишетъ онъ, «соц.-демократы должны итти во всѣ классы населенія—и въ качествѣ теоретиковъ, и въ качествѣ пропагандистовъ, и въ качествѣ организаторовъ». Мы «должны одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ», «диктовать для нихъ положительную

[1]) См. Ленинъ „Что дѣлать“? стр. 71 и друг.

программу дѣйствій» [1]). Утопическая идея «диктованія программы», хотя бы оппозиціонпымъ, но все же антагонистическимъ элементамъ общества единымъ центромъ могла возникнуть только въ отсталой обстановкѣ крайне недифференцированной политической жизни и только въ головахъ революціонной интеллигенціи, существующей какъ бы внѣ классовъ и надъ классами. По мѣрѣ же развитія неизбѣжной политической дифференціаціи это стремленіе должно было привести и дѣйствительно привело къ двойному результату: съ одной стороны, стиралась грань между различными революціонными элементами, которые временно выдвигали болѣе или менѣе общую программу дѣйствій и выставляли болѣе или менѣе однородныя политическія требованія; съ другой, совершенно скидывались со счета революціи и зачислялись въ сплошную реакціонную массу тѣ буржуазные элементы, которые подъ этой единой программой не могли или не хотѣли подписаться. Задача привлеченія союзниковъ такимъ способомъ неизбѣжно должна была превратиться въ свою противоположность—въ ихъ отталкиваніе.

Весь этотъ продуктъ подпольнаго кружковаго мышленія вѣнчался задачей «подготовки, назначенія и проведенія всенароднаго вооруженнаго возстанія» [2]), причемъ, соотвѣтственно крайнему упрощенію всей политической перспективы, и эту задачу предполагалось осуществить весьма простымъ методомъ. Въ другой брошюрѣ Ленина, появившейся въ то же приблизительно время, авторъ говоритъ: «Наладить, сорганизовать дѣло быстрой и правильной передачи литературы, листковъ, прокламацій и пр., пріурочить къ этому цѣлую сѣть агентовъ, это значитъ сдѣлать *большую* половину дѣла по подготовкѣ въ будущемъ демонстраціи или возстанія» [3]).

Всѣ эти взгляды формулированы были впервые Ленинымъ; но они не остались его индивидуальными взглядами. Отражая чрезвычайно неразвитыя общественныя отношенія, въ обстановкѣ которыхъ въ 900-хъ г.г. быстро надвигались революціонныя событія, они нашли себѣ живой откликъ и съ каждымъ днемъ пріобрѣтали все большую популярность въ соц.-демократической аудиторіи. Такимъ образомъ, новый крупный шагъ впередъ въ развитіи русской соц.-демократіи былъ купленъ цѣной новаго поворота—къ *бланкизму*.

Сова Минервы вылетаетъ ночью, и указанная бланкистская тенденція привела къ расколу партіи на двѣ части—«большинство» и «меньшинство», какъ разъ на съѣздѣ 1903 г., какъ разъ въ тотъ моментъ, когда искровцамъ, строившимъ партію, казалось, что ихъ трехлѣтней борьбой съ оппортунизмомъ достигнуто было, наконецъ, полнѣйшее идейное единомысліе въ соц.-демократіи. Расколъ произошелъ исключительно по организаціонному вопросу и только впослѣдствіи для обѣихъ сторонъ выяснилось, что подъ организаціоннымъ разногласіемъ скрывалось глубокое расхожденіе по принципіальнымъ политическимъ вопросамъ. Въ задачу настоящей статьи не входитъ описаніе борьбы между

---

[1]) Ibid стр. 59, 61, 64.

[2]) Ibid. стр. 136.

[3]) См. Ленинъ. „Письмо къ товарищу о нашихъ организаціонныхъ задачахъ“, стр. 11, курсивъ автора.

«большевиками» и «меньшевиками», заполнявшую идейную жизнь соц.-демократической партіи отъ 1903 г. по настоящій день. Отмѣтимъ лишь, что «меньшевики», при своихъ тактическихъ построеніяхъ, держались тѣхъ вѣхъ, которыя въ общихъ чертахъ намѣчены были еще «Гр. О. Т.» въ 90-хъ г.г. и которыя правильно опредѣляли общее направленіе и конечныя тенденціи русскаго револ. развитія; «большевики» же, болѣе чувствительно отражавшіе «вѣяніе времени», больше приспособлялись къ тому зигзагу, который стихійно продѣлало это развитіе въ истекшемъ періодѣ. Благодаря этому, «большевики», подчиняясь логикѣ революціоннаго интеллигентскаго подполья, начавши съ гегемоніи «профессіональныхъ революціонеровъ» и съ технической подготовки возстанія изъ единаго центра, пришли къ истребительной войнѣ съ буржуазнымъ либерализмомъ, какъ съ контръ-революціонной силой, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ началъ, наконецъ, складываться въ оппозиціонную политическую партію.

Подчиняясь той же логикѣ, они пришли къ сближенію съ соц.-революціонерами, которыхъ старые искровцы честили «революціонными авантюристами», и къ идеѣ «диктатуры пролетаріата и крестьянства». Союзъ между соц.-демократами и либералами для борьбы съ народничествомъ, который *фактически* заключенъ былъ въ серединѣ 90-хъ годовъ, въ слѣдующее десятилѣтіе смѣнился, такимъ образомъ, фактически союзомъ между соц.-демократами большевистскаго толка и революціонными народниками для борьбы съ либералами. Это былъ съ внѣшней стороны поворотъ въ 180°. Въ дѣйствительности, какъ мы говорили вначалѣ 2-ой главы, оба эти теченія—«экономизмъ» 90-хъ г.г. и «большевизмъ» 900-хъ, имѣютъ много родственнаго и одинаково свидѣтельствуютъ объ отсталости русскихъ общественныхъ отношеній, дѣлающихъ особенно затяжными и мучительными роды русскаго буржуазнаго строя.

А. Мартыновъ.